

Предисловие

Проблема личной жизни и смерти отличает живой мир от неживого, но понять ее и осознать в полном объеме способен только человек разумный. Однако не менее важной истиной является то, что такое понимание неотделимо от социального бытия отдельной личности. В этом отношении Великая Отечественная война представляет исключительный интерес. Она носила настолько тотальный и всеобъемлющий характер, что разница между вооруженным солдатом на фронте и гражданским лицом за его спиной зачастую стиралась. В осажденном Ленинграде неумолимая Смерть — от голода, лишений, болезней, бомб и снарядов — косила детей, женщин и стариков не в меньшей степени, чем бойцов на передовой. При этом трагедия Ленинграда не была исключением. В результате гитлеровской агрессии потери гражданского населения нашей страны во много раз превысили число павших воинов.

Однако войны рано или поздно кончаются, и цифры миллионов погибших или искалеченных людей воспринимаются, как это ни печально говорить, в виде пусть скорбной, но статистики. А между тем судьба каждого человека, будь она известна всем во всей полноте страстей, чувств и помыслов, не уступала бы по силе своего воздействия самому гениальному произведению искусства. Мыслители-идеалисты полагают даже, что в случае такого рода «гласности» люди прекратили бы все войны. Правда, другие, называющие себя реалистами, считают, что, наоборот, надо учить коллективную человеческую память «забывать». Иначе жизнь на Земле просто была бы психологически невозможна, настолько

ужасно происходившее да и происходящее на ней. Все же большего доверия, хотя эта вера порой кажется зыбкой, заслуживает мнение первых, иначе трудно понять, почему лучшим творением всех времен и народов признан роман о Рыцаре печального образа великого испанца Сервантеса.

Как было уже упомянуто выше, частность проблемы жизни и смерти отдельного человека не заслоняет и того, что человек может существовать только в обществе и его отношение с окружающими самым решительным и непосредственным образом решает этот самый важный вопрос бытия. Удачный случай дал нам возможность предоставить читателю как будто бы самому погрузиться в поставленный ходом Великой Отечественной войны ужасающий и глубоко поучительный социально-психологический эксперимент над судьбами двух молодых людей, практически ровесников. В нашем распоряжении оказались их воспоминания о жизни в таких ужасных обстоятельствах, что порой даже охватывают сомнения, как можно продолжать нормально жить после того, что им пришлось увидеть.

Остроту ситуации подчеркивает еврейское происхождение обоих мемуаристов. Это весьма важное обстоятельство для того времени, поскольку Гитлер торжественно объявил, что одной из главных целей войны является уничтожение евреев как врагов «арийской» расы, причем от мала до велика. Более того, его распоряжения оккупанты выполняли с немецкой аккуратностью и точностью. Надо сказать, что немецкие оккупационные и военные власти старались привлечь к делу «окончательного решения еврейского вопроса» и население захваченных территорий, провозглашая, что война якобы ведется за освобождение народов от ига «Сталина и его жидовских комиссаров»¹. Успехи или провалы этой пропаганды, как показала история, во многом зависели от духовных ориентиров широких масс тех людей, среди которых жили евреи, от их представлений о гуманно-

¹ Басистов Ю. В. Особый театр военных действий. Листовки на фронтах Второй мировой войны. СПб., 1999. С. 92.

сти, справедливости и человеческом братстве. Как убедится читатель из воспоминаний Софьи Готхарт, умирающие от голода в самые тяжелые дни жители советского Ленинграда в массе своей с честью выдержали все испытания и проявили величайшие образцы не только мужества, но и, что труднее, простой человечности. Что касается жителей Риги и Латвии... но пусть читатель судит об этом сам из воспоминаний чудом уцелевшего узника рижского гетто Исаака Клеймана.

Однако необходимо хотя бы кратко познакомить читателя с самими мемуаристами. В этом отношении жизненный путь Софьи Израилевны Готхарт, урожденной Сапгир, родившейся 11 марта 1923 года в городе Витебске и с 1928 года проживавшей в Ленинграде, мало чем отличался, в сущности, от пути ее сверстниц, точнее сказать, она была обычной советской ленинградской девушкой. К началу войны ей исполнилось только восемнадцать лет. После окончания школы в 1940 году Софья поступила в Ленинградский городской педагогический институт. С началом войны учебу пришлось прервать. Во время войны она оставалась в блокадном Ленинграде и работала сначала в госпитале, а потом экономистом на военном судостроительном заводе «Судомех». В 1945 году вышла замуж за Натана Львовича Готхарта, морского инженера, участника Великой Отечественной войны. В 1946 году у них родился сын Александр. После окончания войны Софья продолжала работу в качестве экономиста. В 1955-м поступила в Ленинградский финансово-экономический институт, который закончила в 1960 году. С 1954 года и до выхода на пенсию в 1978-м работала в Ленинградском специальном конструкторском бюро «Нефтехимавтоматика» сначала инженером-экономистом, а потом начальником планового отдела. Награждена медалью «За оборону Ленинграда», а также другими медалями. Умерла в Ленинграде в 1987 году и похоронена на Преображенском кладбище.

На мой взгляд, в «обычности» ее жизни и заключается, в сущности, самое значительное. Тут надо напомнить читателю, что только после победы Октябрьской революции всем

народам бывшей Российской империи были реально предоставлены равные права. В отношении еврейского населения были отменены все унижительные для него законы, самым тяжелым и обидным из которых было запрещение подавляющему большинству евреев проживать за пределами так называемой черты оседлости евреев (территория Белоруссии, Украины, частично Прибалтики, причем даже там — далеко не во всех местах). Послереволюционная индустриализация также потребовала перемещения населения в крупные города и промышленные регионы страны. Особенно много рабочих рук требовалось в Ленинграде, ставшем крупнейшим научным и промышленным центром страны, прежде всего оборонной промышленности. В дело индустриального, научного и культурного развития города свою лепту внесли и еврейские переселенцы, в основном из Белоруссии, в том числе и семья Софьи. Однако из ее воспоминаний читатель убедится, что не только подруги, но даже умирающие от голода люди в долгих очередях за жалкими 150 граммами хлеба не интересовались национальностью своих сограждан. Опять-таки читателю предлагается сравнить это с обстановкой в буржуазной националистической Латвии, в частности в Риге, а также с отношением большинства ее населения к еврейским согражданам и к действиям немецких оккупационных властей по их уничтожению.

Рассказ о моей встрече со вторым мемуаристом Исааком Клейманом будет пространнее, поскольку Софья Готхарт была другом нашей семьи, и я знал ее практически с детства. До недавнего времени непосредственной и близкой для жителей России частью того, что принято относить к ареалу «европейской» культуры, являлась Прибалтика, в частности Латвия. В этой республике, бывшей для многих ленинградцев почти что за границей, мне довелось провести немало летних отпускных месяцев в столь уже давние советские времена.

Не стану, разумеется, утверждать, что главной целью моих посещений были исторические изыскания, но, безусловно, меня глубоко интересовало все, связанное с траге-

дией еврейского населения, принявшей на этой земле особенно страшные формы. Сразу же оговорюсь, что для меня не так существенны были конкретные цифры и факты — все это можно было найти в отчетах о процессах над нацистскими преступниками. Важно было понять политические, социальные, психологические, идеологические и даже бытовые предпосылки этой трагедии, виновниками которой наряду с оккупантами были, к сожалению, достаточно широкие круги добровольных пособников из местного населения.

Первые мои попытки контактов не обнадеживали. Как правило, латыши старались уйти от конкретных воспоминаний, в лучшем случае во всем обвиняли немецкие власти, а чаще всего «ничего не помнили». Встречи с евреями также не помогали. Они или находились в эвакуации во время войны, или переселились в Латвию из других республик СССР уже после ее окончания. Как это нередко бывает, помог счастливый случай...

В начале семидесятых годов, находясь в отпуске в латвийском городе Лиепая, я обратил внимание на небольшое светлое здание изящной архитектуры. Оно было окружено аккуратным забором, и только установленный на крыше простой тоненький крест свидетельствовал о его культовом назначении. Уступая природному чувству любопытства, я вошел в уютный зеленый дворик и направился к зданию. На пороге меня приветливо встретила интеллигентного вида женщина средних лет, отлично говорящая по-русски. Выяснилось, что это молитвенный дом христиан-адвентистов седьмого дня, принадлежащий местной общине.

Хотя сегодня, в постперестроечное время, наша общественность, конечно, лучше осведомлена о различных направлениях христианства, все же полагаю нелишним напомнить основные принципы этого движения. Его название происходит от латинского слова *adventus* — «пришествие». Возникло оно в США в 30-х годах XIX века как одно из направлений протестантизма. Важнейшим его положением является вера в скорое явление Христа, который учредит тысячелетнее царство справедливости и свершит послед-

ний суд над грешниками. Адвентисты отрицают бессмертие души, полагая, что она засыпает и пробуждается в судный день, когда только праведники обретут вечное блаженство, а души грешников исчезнут. Адвентисты отрицают многое из христианской обрядности. Кре́щение и причащение совершаются только над взрослыми. Даже знак креста лишен у них ореола святости. Для них характерно резко отрицательное отношение к традиционной церкви, особенно католической. Почитание седьмого дня недели — субботы, отказ от употребления в пищу свинины, некоторые внутренние порядки в общинах, активная миссионерская деятельность и сочувствие к страждущим сближает их с первыми христианами. Во всем мире адвентистов насчитывается около двух с половиной миллионов человек.

Однако вернемся к рассказу. Когда я представился встретившей меня на пороге женщине, она почему-то очень обрадовалась и радостно сообщила: «А наш проповедник тоже еврей». Приняв любезное предложение, я вошел в просто обставленную, но очень чистую, уютную комнату и увидел сидящего за столом худощавого человека с моложавым приветливым лицом и, как мне показалось, с особенно ясными, светлыми глазами. С этого момента началось мое знакомство, перешедшее с годами в тесную семейную дружбу, с уроженцем Риги — Исааком Лемеховичем Клейманом.

Прежде чем предложить читателю написанную им по моей просьбе книгу воспоминаний в форме писем ко мне, необходимо хотя бы кратко изложить биографию мемуариста и ту общественную среду, в которой он вырос и провел всю свою жизнь.

Исаак Клейман родился в 1924 году в семье небогатого торговца. Отец его скончался еще до войны. К 1941 году Исаак успел окончить полную еврейскую гимназию «Эзра» с преподаванием на немецком языке. Он состоял членом молодежной сионистской организации «Брит Трумпельдор» («Бейтар»), руководствующейся идеями знаменитого тогда идеолога сионизма В. Жаботинского. После немецкой оккупации Риги Исаак Клейман вместе с семьей попал

в гетто. При ликвидации в конце ноября «большого гетто» погибла вся его семья¹, а сам Исаак оказался в так называемом «малом гетто». Перед уничтожением и этого гетто в августе 1943 года ему удается бежать и спрятаться на квартире своей бывшей няни — обрусевшей латышки. Там, подвергаясь смертельной опасности, его прятали вплоть до освобождения Риги 13 сентября 1944 года спасители — приверженцы движения адвентистов седьмого дня.

После войны Исаак Клейман окончил мореходное училище и работал на одном из предприятий Риги. Духовные искания привели его к адвентизму, что, безусловно, вызвало подозрения у тогдашних атеистических властей. Поддержку он нашел в своей общине и, конечно, со стороны жены, также адвентистки, Лидии Ивановны, происходящей из русской семьи, коренной уроженки Латвии.

Ныне (2005 год) Исаак Лемехович и Лидия Ивановна живут в латвийском городе Добеле. У них двое взрослых детей и шестеро внуков. Исаак Лемехович пользуется большим уважением в общине и активно продолжает свою духовную деятельность. Несмотря на перенесенные им испытания, у него сохранились вера в лучшее и светлое будущее мира.

Поскольку воспоминания рассказывают о трагических событиях, связанных с гибелью латвийского еврейства, то для лучшего понимания происходившего необходимо сделать несколько предварительных замечаний об условиях существования евреев в период между двумя мировыми войнами, хотя эти вопросы достаточно затронуты и в самих мемуарах.

В 1930-х годах в Латвии проживало 94 000 евреев, что составляло около 5 % всего населения. Эта община была весьма неоднородна и включала в себя различные культурные группы — от патриархальных жителей местечек до ассимилированных в европейскую и русскую культуру пред-

¹ На прекрасном рижском памятнике, на котором написаны имена жертв гитлеровского геноцида, можно видеть имена всех погибших членов большой семьи Клеймана.

ставителей рижской интеллигенции. До 1934 года в стране существовала парламентская республика с сильным влиянием социал-демократии. Евреи пользовались полной культурной автономией. Работали многочисленные еврейские организации, учебные заведения, молодежные и культурно-просветительские учреждения, выходили газеты самого различного направления: религиозные, социалистические, сионистские и либеральные. Для большинства евреев Латвии разговорным языком был идиш. Немецкий и русский были средством приобщения к мировой культуре. Знали, разумеется, и латышский.

После государственного переворота 1934 года премьер-министр Карлис Ульманис установил в стране режим личной власти. Формально это не сказалось на правовом статусе евреев. Однако явно наметилась тенденция вытеснения «инородцев» из различных областей общественной жизни. Оказывал свое влияние и соответствующий пример гитлеровской Германии.

В ночь с 16 на 17 июня 1940 года на территорию Латвии вошли подразделения Красной армии, и в связи с этим часть еврейского населения питала надежду на перемену к лучшему. Пятого августа 1940 года Латвия вошла в состав СССР. Прекратились негласные ограничения для евреев, но вместе с тем началось преследование еврейских национальных и религиозных организаций. Накануне войны, 13 и 14 июня 1941 года, органы НКВД провели операцию по депортации «антисоветского элемента» из прибалтийских республик, в том числе и из Латвии. Хотя доля евреев среди высланных была в пять раз выше их доли в населении Латвии, эта акция сыграла свою роль в разжигании антисемитских настроений среди представителей титульной нации.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, и уже к началу июля немцы захватили Ригу. Первые погромы были организованы оккупантами немедленно. В конце 1941 года евреям Риги было приказано переселиться в гетто. С 30 ноября по 9 декабря того же года из 33 000 жителей гетто было расстреляно 27 000 человек.

Уцелевшие содержались в так называемом «малом гетто». Затем в Ригу стали свозить для уничтожения евреев из оккупированных стран Европы.

За пределами досягаемости гитлеровских палачей оказалось около 20 % еврейского населения Латвии, в том числе — ирония судьбы — депортированные во время чисток НКВД. Многие из тех, кто спасся, приняли активное участие в боях за Латвию в составе Латышской стрелковой дивизии, более чем на четверть состоявшей из латвийских евреев.

Воспоминания Клеймана дают удивительно точную и живую картину жизни в предвоенной Риге, воспринятую глазами наблюдательного еврейского подростка. Необычайно объективно для человека с подобной судьбой говорится о народах, населявших Латвию — латышах, русских, прибалтийских немцах, а также солдатах оккупационной армии. В них содержится много новых подробностей о жизни и гибели рижского гетто, о страшной участи его обитателей. Подобно искрам в ночи мелькают сведения о судьбах отдельных людей.

Считаю важным отметить, что оба незнакомые друг с другом мемуариста писали свои воспоминания по настоятельной просьбе своих близких и друзей, ничего не скрывая и не рассчитывая на публикацию, что несомненно повышает их ценность как исторического источника. Эту сторону предлагаемой книги подчеркивает один из ее рецензентов — профессор, доктор исторических наук, руководитель Научного центра «Петрополь» Санкт-Петербургского Дома национальных культур Тамара Михайловна Смирнова: «Ленинградская студентка и рижский гимназист, евреи по национальности, оказались в ситуации физического и морального выживания: одна — в ленинградской блокаде, другой — в рижском гетто. Оба они выжили, но как различен их опыт! Ощущение общей судьбы со всеми ленинградцами, всем советским народом, что придавало силы и надежду в самых невыносимых условиях, с одной стороны, и положение изгоя, отвергаемого латышским «обществом»

только в силу национальной принадлежности с другой. Несомненно, эти живые свидетельства имеют важное мировоззренческое значение».

Второй важный аспект книги подчеркивает другой ее рецензент, главный научный сотрудник Российского этнографического музея, кандидат исторических наук Владимир Александрович Дмитриев: «То, что источником и центральной личностью в повествовании выступают евреи, только обостряет отношение к той проблеме, от которой невозможно отмахнуться никому: может ли отдельная личность, когда сложившиеся обстоятельства ежеминутно вытравливают обычные повседневные свойства человечности, оставаться человеком. Мы имеем дело не с темой «Человек на войне», но с тем, что делает войну страшнее ее самой, возможно поэтому в историографии войн подобных материалов не может быть много, каждый является уникальным источником, о таком пережитом не вспоминают сами, но делают это по просьбе того, кому нельзя отказать».

К этим словам двух видных петербургских ученых добавить нечего, воистину лучше не скажешь. Остается только отметить, что воспоминания Клеймана писались еще во время существования СССР и потому возможны неточности в современных наименованиях, в частности улиц Риги. К счастью, наименование улиц, указанных в воспоминаниях Софьи Готхарт, серьезно не изменились после того как Ленинград стал Санкт-Петербургом.

В. Л. Вихнович

И. Л. Клейман

РИГА ГЕТТО

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Дорогой Всеволод Львович! С помощью Божьей начну описывать свои воспоминания.

Итак, несколько слов о времени и среде. Страна моего детства — еврейская община буржуазной Латвии. Если Латвия после 20-летнего предвоенного существования начала переживать различные метаморфозы, то почти 100-тысячная еврейская община в 1940–1941 гг. исчезла бесследно подобно сказочной Атлантиде. Конечно, к фактическому материалу, имеющемуся в архивах, мой рассказ ничего не добавит, но какую-то ценность имеют и субъективные впечатления.

Родился я в 1924-м, в газеты стал заглядывать рано, поэтому помню Латвию еще демократическую: шумную предвыборную агитацию с десятками списков кандидатов, которыми я обкладывал школьные тетради; демонстрации безработных, первомайские шествия социал-демократов с красными галстуками, аресты коммунистов — распространителей листовок. Тогда в Риге полицейская машина была только одна — «толстая Берта». Арестованных отвозили в участок на извозчичьих дрожках. Они вырывались из рук полицейских и орали что было силы. Помню то утро, когда на улицах патрулировали полицейские с винтовками и прибывшие из села «айзсарги» — члены ульмановской военной организации. 15 мая 1934 года — ульмановский переворот¹. Больше помню время диктатуры. Переворот был

¹ Ульманис Карлис (1877–1942) — премьер-министр первого правительства Латвии, лидер партии «Крестьянский союз».

практически бескровный. Главари социал-демократии эмигрировали в Швецию, концлагерь в Лиепаве скоро распустили, о политзаключенных «за старые грехи» не было слышно, да и процессы коммунистов случались реже.

В наши дни, когда Запад чуть ли не требует от всех вводить демократии западного образца как верха совершенства, мне на мысль приходит следующее обстоятельство. Ведь наш Ульманис правил шесть лет без каких-либо выборов, без конституции, без декларации о правах граждан, но наши латыши этот период вспоминают только добром. Если кто и высказывается скептически, то по поводу ограниченности экономических возможностей того времени. Не пришлось слышать, что в то время не доставало выборов или гражданских свобод. Лозунгом того времени была сплоченность. Не допускалось ни классовой, ни национальной борьбы. Не думаю, что эта борьба бурлила подспудно. Основные острые вопросы улаживались, как мне кажется, удовлетворительно для обеих сторон. Вводились не законы, а практические порядки по обеспечению работой, по социальному обеспечению, по здравоохранению, особенно молодого поколения. Правительство активно вторгалось в экономическую жизнь. Были созданы крупные полугосударственные предприятия во всех областях сельского хозяйства, промышленности и торговли. Все это делалось не очень демократично и даже не очень честно — бывало и взяточничество, и казнокрадство, — но достаточно толково. И запланированная польза от всех в общем достигалась. Во всяком случае, даже еврейской молодежи моего круга казалось, что такой строй достаточно хорош, особенно для хозяев страны — латышей.

О национальной политике выскажусь, когда перейду к описанию еврейской жизни. Здесь еще коснусь прежних

15 мая 1934 г. произвел переворот и установил режим единоличной власти. В 1936–1940 гг. — премьер-министр и президент Латвии. После включения Латвии в состав СССР депортирован из страны. Умер в заключении.

событий, как я их воспринял из рассказов моих родителей. В 1905 году революционеры заставили моего отца перевозить куда-то ящик с оружием, что он и сделал, конечно, без энтузиазма. Брат моей матери, дядя Лейба, был силач и любитель лошадей. В мое время он держал большую конюшню в самом центре Риги. В пятом году он выезжал верхом, с винтовкой, на борьбу с «черной сотней», но попал в тюрьму. Мама рассказывала о Февральской революции как о всенародной радости, когда открывались тюрьмы и пели «Марсельезу». Следующая революция принесла страх, уныние, обыски, голод — и ничего решительно хорошего. На таких политических впечатлениях и началась моя сознательная жизнь.

С приветом,

*Ваш И. К.
5 января 1987 г.*

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Мысли застряли в воспоминаниях, пока писал первое письмо. Пишу сразу и второе.

Рига не входила в черту оседлости, и евреев при царе в городе было немного¹. Среди десятка синагог моего времени была и «солдатн-шул», видимо, основанная николаевскими солдатами². Во время войны с немцами евреи были принудительным образом выселены из прифронтовых районов и очутились в Белоруссии³. После заключе-

¹ Неточность. В 1893 г. евреям было дозволено селиться в Риге. Перед 1914 г. в Риге проживало 33,7 тысяч евреев (6,5 % всего населения).

² Николаевские солдаты-евреи, призванные в армию при Николае I и отслужившие 25 лет.

³ Во время Первой мировой войны евреи западной Латвии (Курляндии) и ряда других районов были обвинены в шпионаже в пользу противника и высланы в глубь России.

ния договора с Советской Россией¹ латвийские беженцы вернулись. Значительная часть жителей еврейских местечек подалась в Ригу. Мои родители в беженстве были под Витебском, в Лиозно. Родом они с латвийско-литовской границы по реке Мемель. Мать из очень бедного еврейского местечка Сувайнишкис, а отец — сын более зажиточного сельского лавочника на Курляндской стороне около Бауски. В Риге они очутились в году, наверное, 1919-м. Но о нашей семье речь пойдет еще впереди.

Из каких людей комплектовалась еврейская община в Риге? По происхождению это были евреи курляндские, белорусские (Витебская губерния включала Латгалию², т. е. район Двинска³ и Режицы⁴), литовские, эмигранты из России, а после 1933 года — и из Германии. Еще были выходцы из Польши и по случаю, из других мест. Более культурные и зажиточные семьи были русско- и немецкоязычные. «Народ» говорил на идиш, однако «народ», по моему мнению, не составлял подавляющего большинства. К относительно зажиточным и культурным слоям относилось, на мой взгляд, очень много семей, может быть, около половины, если не больше.

Что я знаю об экономической жизни рижского еврейства? Самыми богатыми в Латвии слыли латыши — владельцы газеты «Яунакас зиняс»⁵ Эмилия и Антон Беньямины, мать и сын. Но и многих евреев считали миллионерами. Помнятся фамилии Мизрах, Шмульян, Беккер и другие. Евреям принадлежала головная шоколадная фабрика «Лайма», велосипедный завод «Латвелло», множество крупных лесопильных заводов, деревообрабатывающих

¹ Мирный договор между Латвией и Советской Россией подписан 11 августа 1920 г.

² Латгалия — историческая область в восточной Латвии.

³ Двинск — современный Даугавпилс.

⁴ Режица — современный Резекне.

⁵ «Яунакас зиняс» («Последние новости») — газета на латышском языке.

предприятий, мельничный комбинат «Виктория», крупные, мелкие и мельчайшие торговые фирмы, большинство швейных фабрик и мастерских, различные металлообрабатывающие заводы и мастерские. Были, правда, во всех отраслях и конкурирующие нееврейские фирмы, но кроме сельского хозяйства участие еврейского капитала было значительным почти во всех отраслях экономики.

Расслоение общины по экономическому признаку выглядело примерно так. В фешенебельных кварталах в районе Стрелкового парка, где жили богатые немцы и латыши, из евреев жили единичные семьи. В центре города евреев жило очень много. Это были и торговцы, и приказчики, в большинстве люди с некоторым достатком. Это обуславливалось сравнительно высокой платой за квартиры в центре города. Значительно дешевле жилье было на Московском форштадте. Здесь жил русский рабочий люд и довольно много евреев. Среди них тоже были и домовладельцы, и лавочники, но сам быт был попроще, чем в центре города. Беднейшие евреи по понедельникам ходили стайками по двое-трое, в большинстве женщины, и побирались по еврейским магазинам и квартирам во всем городе. Лавочники им подавали «норму» — по два сантима и между собою роптали, что нищенки от работы, например помыть полы, отказываются, хлеба не берут, стало быть, симулируют. Но подать им все равно подавали. Помню, что это были не очень старые женщины. Одеты в темную, грубоватую одежду, при больших головных платках, но не оборванные. Много ли их ходило? Может быть, около сотни или больше. Не все, конечно, бедные нищенствовали. Наш родственник, сапожник Залман, жил с семьей из четырех детей и жены в очень бедной квартире за магазинчиком-мастерской. Помнится, что там обстановки никакой не было: старые кровати да стол. Особенно зимой, когда носили калоши и боты, а подметки да каблуки не снашивались, у Залмана детям и еды-то не хватало. На моей же памяти он, однако, выправился, временами нанимал даже подмастерье глухонемого. Потом перешел в приличную квартиру